

Как только Хан Сиэнь устранился от дела Ли Чжуна, он больше не расспрашивал о ходе следствия. Но праздное любопытство ему и не требовалось: к тому моменту, как охваченный яростью Хан Чжо ворвался во Дворик Душистых Орхидей, наследник уже во всех подробностях знал о происходящем при дворе.

Ли Чжун перед смертью отправил государю на удивление прочувствованное письмо. В нем он красноречиво и искренне раскаивался в содеянном, признавал, что заслуживает лишь лютой казни, и смиренно молил лишь об одном — оставить его тело целым после смерти. В самом конце послания он указал, что его тайным адресатом был не кто иной, как пятый принц, Цзи Хуай. Впрочем, тут же оговорился: дескать, их переписка носила исключительно невинный характер и злого умысла не имела. Что же касается его прежних обвинений в адрес третьего принца, Цзи Ло, то Ли Чжун признался, что оклеветал того лишь из мести к Хан Сиэню — виновнику падения своего рода. Теперь же, стоя на пороге небытия и чувствуя вину перед обманутым государем, он решил облегчить душу.

Написав это, узник в тот же день откусил себе язык и скончался от потери крови в камере.

Едва Ли Чжун испустил дух, клан Ши наконец осмелился подать голос. Старый маркиз Ши рыдал на аудиенции так, что за ним мокли плиты тронного зала. Он уверял, что его внука, окружная княжна Ши Жуй, ни о чем не ведала и безвинно страдает из-за грехов мужа. Однако император остался непреклонен: он не дал согласия на развод Ши Жуй с Ли Юем, приказав сослать её на каторгу вместе со всей родней супруга. Говорили, что, услышав этот приговор, старый маркиз Ши тут же лишился чувств. Вдовствующая императрица несколько раз пыталась вразумить сына, но государь всякий раз сказывался больным и не принимал её.

Тем временем в верхах воцарилось гнетущее безмолвие.

Если бы Ли Чжун до последнего упрямо твердил, что во всем замешаны принцы, император вряд ли бы поверил предсмертному оговору. Но столь внезапное покаяние... Пусть даже государь доверял Цзи Хуаю, в глубине его души все равно зашевелился червь сомнения. Любой правитель, слишком долго удерживающий власть, неизбежно заболевает подозрительностью. Подозрение рождает призраков — именно так и случилось.

Пятый принц теперь старался не высовываться и вел себя тише воды, ниже травы. Его мать, добродетельная наложница Хан Юнь, притихла в глубине внутреннего двора, а ее родичи из клана Хань на заседаниях палаты изо всех сил старались слиться со стенами. Но тщетно. Император то и дело бросал на герцога Хан Чжо тяжелые, недовольные взгляды, придираясь к каждой мелочи и выискивая малейшие промахи. И если на главу дома Хань государь пока лишь сыпал угрозами, то со вторым дядей, Хан Шу, он и вовсе перестал церемониться. Недавно на совете император прилюдно отчитал его за нерадивость, заявив, что его успехи на службе ничтожны, из-за чего несчастный чиновник несколько дней не смел поднять глаз.

Хан Чжо пришел к сыну, намереваясь устроить ему жесткий допрос. Но едва он натолкнулся на насмешливый, полный презрения взгляд Хан Сиэня, все заготовленные гневные речи застряли у него в горле. В итоге герцог лишь сухо выдавил:

— Твоя мачеха сейчас всю занята подготовкой к совершеннолетию Минчжу. Это сугубо семейное дело, так почему о нем уже судачат перед лицом государя?

В последние дни император действительно уколол Хан Чжо по этому поводу, заметив, что в семье нужно держать чаши весов в равновесии, ведь умение править домом ничуть не уступает искусству управления государством.

— Совершеннолетие молодой барышни — событие важное, — с легкой улыбкой отозвался Хан Сиэнь. — Но я заметил, что дома до этого никому нет дела. Вот и упомянул об этом в разговоре с его величеством. Кто же знал, что государь примет мои слова так близко к сердцу?

Видя его абсолютное равнодушие, Хан Чжо больше не мог сдерживаться. Он резко поднялся:

— Чего ты добиваешься? Какая тебе польза от того, что ты погубишь собственный род?

Хан Сиэнь удивленно изогнул бровь, словно искренне не понимая причин такой ярости:

— С чего бы мне губить дом Хань?

Под его пристальным взглядом герцог почувствовал себя неловко. Пусть император внешне относился к пятому принцу по-прежнему, Хан Чжо понимал: трещина в доверии уже пролегла. В его голове рождались мрачные теории заговора. Ему казалось, что Хан Сиэнь давно спелся с третьим принцем, Цзи Ло, и теперь целенаправленно убирает пятого принца с доски, расчищая сопернику путь к престолу.

Хан Чжо привык действовать расчетливо и осторожно. Но непредсказуемость Сиэня, который ни во что не ставил правила, не боялся угроз и нес перед императором все, что вздумается, пугала его. Земля уходила у него из-под ног.

Хан Сиэнь, легко читавший чужие мысли, лишь мысленно посмеивался над отцом, явно страдавшим манией преследования. Впрочем, не будь у наследника дара читать души, его бы давно сжили со света. Но эта способность раз за разом позволяла ему рушить чужие оковы и лишать врагов душевного покоя.

Хан Чжо еще раз пристально посмотрел на сына и, круто повернувшись, покинул покои, взмахнув широкими рукавами. Донесшийся вслед тихий смех Сиэня он предпочел проигнорировать.

После дела Ли Чжуна в поместье воцарилось затишье. Хан Сиэнь вел праздную жизнь: целыми днями спал или грелся на солнышке во дворе. Без императорского зова во дворец он не совался.

За это время к нему лишь раз заглянул Бай Шу. Инструктор всюду ворчал на странности третьего принца — тот, дескать, при встрече со старшим братом, великим генералом Бай Вэньханем, не проронил ни слова, лишь глупо замер и вдруг расплакался, отчего у выдавшего виды воина мурашки пошли по коже. Вернувшись в усадьбу, генерал строго-настрого наказал племяннику держаться от Цзи Ло подальше. Представив эту картину со слов друга, Хан Сиэнь лишь едва заметно усмехнулся.

Клан Хань ушел в тень, и в этой тишине назревало тяжелое, удушливое напряжение.

Хан Чжо после той беседы больше не смел показываться на глаза сыну. Особо тяжело приходилось обитателям восточного флигеля — второй ветви семьи. Хан Цинсюэ была старшей третьего принца, а теперь, когда добродетельная наложница Хан Юнь в кулуарах дворца наотрез отказывалась даже упоминать об их помолвке, девушке оставалось лишь томиться в мучительном ожидании. В преддверии праздника совершеннолетия Хан Минчжу суeta в поместье лишь сильнее колола глаза Цинсюэ, напоминая, что ее девичий век уходит. Если брак с Цзи Хуаем сорвется, она останется старой девой на посмешище всему городу.

Однако чем сильнее сжимается пружина, тем мощнее выходит ее выстрел.

Как-то раз, прогуливаясь по дорожкам усадьбы, Хан Сиэнь наткнулся на своего кузена, Хэ Фаня. Тот при виде наследника явно хотел заговорить, но трусливо мялся, выглядя при этом на редкость нелепо. Сиэнь окинул его презрительным взглядом и прошел мимо. Хэ Фань мгновенно вспыхнул до корней волос, сочтя это смертельным оскорблением.

Впрочем, коварные замыслы тетушки Хан Сю и ее сынка были для Сиэня секретом полишинеля. Кузен вызывал у него лишь брезгливость — марать руки о такого слизняка не хотелось.

Медленно обойдя сад, Сиэнь вернулся в свои покои и тут же отправил Ань Цао в поместье генерала Бай с поручением разыскать Бай Шу.

Пока слуга бегал за гостем, Сиэнь сидел в кресле посреди двора. Вскоре к нему торопливо подошла служанка Би Хуа и, оглядевшись, зашептала:

— Молодой господин, я ходила на кухню за припасами и в персиковом саду увидела господина Хэ. Он приставал к четвертой барышне, вел себя крайне развязно! Барышня Минчжу отчитала его и прогнала, но ведь она незамужняя девушка... Если пойдут слухи, беде не миновать.

Би Хуа искренне переживала за репутацию молодой хозяйки. Хан Сиэнь лишь равнодушно кивнул в ответ. Видя его безучастность, служанка не посмела настаивать и тихо удалилась.

Когда она ушла, Сиэнь прищурился, глядя на проплывающие в вышине облака.

"Если человеческое сердце решает погрязнуть во зле, оно становится поистине чудовищным".

Бай Шу не заставил себя ждать. По своему обыкновению он перемахнул через забор, но на сей раз прихватил с собой Ань Цао. Бедный слуга приземлился с мертвенно-бледным лицом. Бай Шу бесцеремонно сгрузил парня на землю и подошел к Сизню:

— Ну что, звал? — На его лице блуждала довольная улыбка: Сизнь впервые сам обратился к нему за помощью.

— Хочу попросить тебя об одной услуге, — ровно произнес наследник.

— Легко! — без раздумий согласился Бай Шу.

— И ты даже не спросишь, не замышляю ли я недоброе?

— Если замышляешь, я просто откажусь. Силой ты меня не заставишь, а сбежать я всегда успею — тебе меня не догнать.

— Этого не потребуется, — мягко ответил Сизнь.

— Ну так что нужно делать?

— Подожди немного. Скоро сам все увидишь. Сегодня тебе придется остаться у меня на ужин.

Хан Сизнь знал, что даже без посторонней помощи Хан Минчжу сумела бы выпутаться из расставленной ловушки — ему оставалось бы лишь замести следы. Но оправдаться перед семьей ей было бы непросто. В прошлой жизни Хан Чжо хотя бы ради приличия оберегал их с сестрой, теперь же, обозленный, он наверняка воспользуется случаем, чтобы утопить дочь. Сизнь не любил лишних хлопот; если проблему можно решить быстро и без шума, так и следовало поступить.

К сумеркам Би Хуа зажгла свечи, аккуратно поправив фитили. В неровных отсветах пламени ей почудилась какая-то тревожная, зловещая дымка.

В это время Хан Сизнь и Бай Шу, стараясь не привлекать внимания, скользили в тених к искусственной горке неподалеку от Дворика Душистых Орхидей. Для верности Бай Шу повязал лицо черной тканью. У самого подножия они столкнулись с личной служанкой Минчжу — Южо.

Девушка была сама не своя от страха, но при виде Сиэня ее лицо озарилось облегчением.

— Где он? — негромко спросил наследник.

Южо, стиснув зубы, указала на темный зев грота среди камней:

— Молодой господин Хэ внутри.

Сиэнь кивнул и двинулся вперед. Южо поспешила скрыться.

В прошлой жизни все разыгралось по тому же сценарию. Хэ Фань ждал в этой пещере Хан Минчжу, но та так и не пришла, а самого кузена кто-то раздел донага и оставил замерзать до полуночи. Когда его обнаружили, разразился жуткий скандал. На очной ставке почерк на записке, которой заманили дурака, не совпал с почерком Минчжу, зато среди его вещей нашли вышитый платок с иероглифом «Сюэ», принадлежащий Хан Цинсюэ. Южо тогда едва успела вернуть хозяйке украденную вещь. Чтобы замять позор, старая госпожа Хань лично замяла дело.

Но в тот раз это не было замыслом тетюшки Хан Сю — Хэ Фань просто сам хотел силой принудить Минчжу к браку. Теперь же, подученный матерью, мерзавец вознамерился полностью уничтожить репутацию кузины на глазах у всего дома.

Едва Сиэнь приблизился к пещере, из темноты донесся приглушенный, полный предвкушения шепот Хэ Фаня:

— Сестрица Минчжу? Это ты?

Бай Шу мгновенно сообразил, зачем его позвали. Он брезгливо поморщился и с сочувствием посмотрел на Сиэня, после чего выразительно провел ребром ладони по горлу, безмолвно вопрошая: «Кончать его?»

Сиэнь отрицательно качнул головой.

Хэ Фань радостно выбежал наружу, но, разглядев в полумраке лицо кузена, остолбенел от ужаса. Не успел он издать и звука, как Бай Шу молниеносным ударом заблокировал его акупунктурные точки, лишая дара речи. Сиэнь же, не медля ни секунды, подобрал увесистый угловатый булыжник и с размаху опустил его на голову кузену.

Хэ Фань схватился за окровавленный затылок, беззвучно разевая рот в беззвучном крике.

Издали донеслись чьи-то голоса. Сиэнь холодно посмотрел на хрипящего от боли мерзавца:

— Видишь вон то озеро? Ступай-ка, освежи голову.

Договорить он не успел: Бай Шу подхватил обмякшее тело кузена и одним легким движением отправил его в воду. Именно для этого Сизню и требовался сильный союзник — Ань Цао с такой ношей поднял бы слишком много брызг и шума.

Когда голова Хэ Фаня показалась над водой, Бай Шу присел на корточки и бесцеремонно притопил его еще раз.

Несчастный слабо заболтал руками, теряя последние силы. Сизнь подошел ближе и, грубо схватив кузена за мокрые волосы, вытянул его лицо на воздух, чтобы тот не захлебнулся окончательно.

— Возвращайся, — бросил он другу, не оборачиваясь. — Дальше я сам.

Бай Шу очень хотелось остаться и досмотреть представление, но он понимал: это внутреннее дело дома Хань. Одно дело — помочь другу в тени, другое — подставить под удар весь клан Бай. Взвесив все за и против, он кивнул и бесшумно, словно ночная птица, скрылся среди нагромождения камней.

Спустя пару минут у озера появились слуги, отправленные заговорщиками «точно к сроку». Картина их взору предстала поразительная: Хэ Фань по горло сидел в ледяной воде, а Хан Сизнь спокойно стоял на берегу и наблюдал за ним.

Двор огласился криками. Одни слуги бросились в воду спасать тонущего, другие помчались докладывать госпоже Хан Сю.

Вскоре к озеру сбежалось все благородное семейство. Мокрого, дрожащего от холода Хэ Фаня уже вытащили на берег. Он сидел на траве, с ужасом косясь на кузена.

Хан Сю при виде окровавленной головы сына с воплем бросилась к нему:

— Что ты с ним сделал?! Изверг, что ты сотворил с моим Фань-эром?!

Хан Сизнь неторопливо поднялся, разминая затекшие ноги, и смерил тетку ледяным взглядом:

— Что я сделал? Об этом лучше спросить у вашего дражайшего сына. Мальчик еще юн и глуп — вздумал среди ночи купаться в озере. Опасное развлечение, надо сказать. Если бы мои покои не были так близко и я случайно не проходил мимо, вы бы сейчас оплакивали покойника.

— Лжешь! — закричала Хан Сю, задыхаясь от ярости. — Мой сын никогда бы... Это твоих рук

дело! Ты хотел утопить его!

Не обращая внимания на ее истерику, Хан Сиэнь повернулся к Хэ Фаню и с мягкой, почти ласковой улыбкой спросил:

— Ну так что скажешь, любезный кузен? Неужто это я покушался на твою жизнь?

<http://bllate.org/book/20088/2001996>